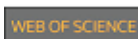

Осипова О. И. Традиции «Александрии» в прозе XX века : от стилизации к пародии / О. И. Осипова, О. А. Сысоева // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 206—218. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-206-218.

Osipova, O. I., Sysoyeva, O. A. (2019). Traditions of “Alexandria” in Prose of 20th Century: from Stylization to Parody. *Nauchnyi dialog*, 9: 206-218. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-206-218. (In Russ.).

УДК 821.161.1Кузмин.07+821.161.1Соколов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-206-218

ТРАДИЦИИ «АЛЕКСАНДРИИ» В ПРОЗЕ XX ВЕКА: ОТ СТИЛИЗАЦИИ К ПАРОДИИ

© **Осипова Ольга Ивановна (2019)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Владивосток, Россия), fa-fa@mail.ru.

© **Сысоева Ольга Алексеевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-8512-8462, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия), helgats@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о моделировании классического сюжета в литературе модернизма и постмодернизма. Уделяется внимание трансформированию сюжета об Александре Великом в романах Михаила Кузмина (1872—1936) и Саши Соколова (род. 1943). Представлены результаты сопоставительного анализа двух романов разных литературных направлений. Поднимается вопрос о том, что классические сюжет и образ трансформируются, становясь способом художественного осмысления мировоззрения эпохи. Особое внимание уделяется приемам стилизации и пародирования в исследуемых текстах. Показано, что авторы ищут в классических образцах способы разрешения конфликтов современности: обращение М. Кузмина к образу великого полководца — это художественное осмысление трагичности бытия человека, достигшего очень многого в этом мире, но не способного изменить фатум; Саша Соколов пишет свою «Палисандрию» с целью изображения нового иронического взгляда на исторический процесс. Актуальность исследования обусловлена потребностью современного литературоведения в типологических исследованиях, в поиске интертекстуальных связей. Новизна исследования видится в том, что сопоставление сюжето и образно близких текстов в главных литературных направлениях XX века позволяет увидеть способы моделирования одного классического сюжета в его вариантах с учетом специфики модернизма и постмодернизма.

Ключевые слова: Александр Великий; классический сюжет; образ; стилизация; пародия; ирония; миф; притча; жанр.

1. Введение в проблематику

Значение личности царя Александра Великого в истории связано с тем, что его победы оказали огромное влияние на преобразование жизни народов всего мира: это и слияние востока и запада, и распространение греческой традиции, философии, языка. Немаловажным оказывается и то, что в результате походов Александра подрываются языческие традиции и получает распространение христианство. Образ Александра Великого исключительно важен и для русской истории и культуры.

Конечно, обращение к образу Александра и его подвигам художников в XX веке — это не те классические «Александрии» (в первую очередь французский «Роман об Александре» и древнерусские «Александрии»), благодаря которым можно познакомиться со временем и личностью Александра Македонского.

Появление образа Александра в прозе XX века имеет свои причины: авторы ищут в классических образцах способы разрешения конфликтов современности. Так, обращение М. Кузмина к образу великого полководца в романе «Подвиги Великого Александра» (1908) — это художественное осмысление трагичности бытия человека, достигшего очень многого в этом мире, но не способного изменить фатум. Саша Соколов пишет свою «Палисандрию» (1985) с целью изображения нового взгляда на исторический процесс: писатель иронизирует над наивными представлениями советского человека о возможности управлять временем, направлять его по своему желанию, заново начинать или переписывать личную и национальную историю.

В современном литературоведении широко распространены типологические исследования сюжетно и образно близких текстов, предпринятые для поиска интертекстуальных связей и расширения смысловых уровней. Далее в статье будет показано, как сознание художника моделирует новые варианты классического текста (сюжета «Александрии» и образа царя Александра Великого).

2. Стилистические эксперименты с классическими образцами в романе «Подвиги Великого Александра» М. Кузмина

Стилизация — в начале XX века довольно частое явление. Стилизация не является открытием художников рубежа XIX—XX веков. Но для литературы Серебряного века характерна тенденция к обновлению идей и форм воплощения мира в творчестве, одним из путей поиска новых стиливых решений становится обращение к прошлым эпохам. Игровые установки культуры рубежа веков закономерно реализовывались в данном

приеме. Несмотря на то, что основы стилизации были заложены символистами, они были восприняты писателями и с другим художественным мировоззрением.

В некоторых случаях проза М. Кузмина рассматривается как «изящные стилизации» жизнеописаний авантюристов. Но суть стилизации в его творчестве в том, чтобы воссоздать явления в их узнаваемых внешних чертах, но не для чистого исторического эксперимента, а в попытке получить ответы на вопросы современности.

И. Антипина, рассматривая прозу М. Кузмина, объясняет стремление к стилизации в его творчестве несколькими особенностями художественного метода: интересом к преемственности культур, подготовкой «почвы» для появления новых произведений, обновлением самой формы (жанровой в том числе) литературного произведения [Антипина, 2003, с. 6—7].

Кроме указанных во введении самим автором мифологических, исторических и литературных источников, на которые ориентированы «Подвиги Великого Александра», Л. Панова указывает на несколько средневековых источников [Панова, 2006]. Одним из таковых является Сербская «Александрия», которая как памятник переводной литературы известна на Руси с XV века. Топика текста Кузмина частично наследует «Александрийским песням» Брюсова. Обнаруживаются также стилевые черты пушкинской «Родословной моего героя» и «Двух повестей» Жуковского. Подобный набор источников характеризует стилевые особенности данного произведения: интертекстуальность и игровое следование образцу, при котором существующая матрица наполняется новым актуальным содержанием.

В центре романа Александр — герой легенд, мифов, художественных произведений и преданий. Биографическое повествование ориентировано на средневековый рыцарский роман, но также сопряжено с другими жанровыми конструкциями, среди которых можно отметить мифологические, профетические, притчевые тексты, что создает неповторимый стиль данного произведения.

Деять раз в тексте встречаются профетические тексты. Они становятся особым концентрированным событием, которое выражает идею трагичности судьбы человека, достигшего многого и покоровившего почти весь мир, но обреченного на раннюю смерть. И сюжет третьей и четвертой книг строится на попытках Александра получить власть над трансцендентными законами, определяющими его судьбу.

Функциональная нагрузка пророчеств в тексте, помимо сюжетообразующего назначения, состоит в создании стилевого антуража средневекового рыцарского романа, отсюда и мистический колорит, сопровождающий

пророчества. Среди пророчеств есть три элегических дистиха — оракулы, которые органично вписываются в данную стилизацию. Путешествующий Александр, как и герой рыцарского романа, перемещается в квазиреальном пространстве: в тексте можно выделить пространство фантастическое (в главе, описывающей встречу с Кандакией, появляются образы петухов, на которых ездят воины, пантер, чья кость режет стекла) и мифологическое (например, при встрече с амазонками и Горгоной). Туман, лес, вода, дорога, горы становятся символами границы, которую переходит герой, проникая в ирреальное пространство. Мотив дороги приобретает онтологический статус и становится символом жизненного пути героя. Конечная цель этого пути — обрести бессмертие.

Гибель Александра от яда, который ему подложили враги, придает ореол поэтичности: герой средневекового рыцарского романа не может умереть от лихорадки, как это произошло с реальным Александром Македонским, поскольку это бы снизило градус героичности образа.

Сюжетная ситуация, лежащая в основе кузминского романа, носит архетипический характер, что особо подчеркивается включением различных мифологических структур. Александр Великий не интересует автора как историческая личность, хотя, конечно, основные вехи его жизни и завоевательных походов сохранены. В этом отношении большое значение приобретают образные переключки с героическими мифами.

Так, жизненный путь Александра выстроен по законам героического мифа: чудесное рождение, подвиги, женитьба, правление, загадочная гибель. Мифологическая модель рождения героя от смертной женщины и бога определяет метафизический сюжет поиска героем бессмертия (хотя ореол таинственности снимается, так как читатель знает, что под личиной бога скрывается обманщик Нектанеб). Основные паттерны героического мифа характеризуют вехи жизни героя.

При инициации героя (приручение Букефала, победа на Олимпийских играх) его образ приобретает космический масштаб. Мотивный комплекс сотворения мира воплощается в описаниях завоевательных походов Александра, во время которых антагонистами героя выступают Дарий и Пор. Отметим, что стиливые черты рыцарского романа находят здесь воплощение при характеристике Александра: особое внимание уделено его милосердию и особой чуткости к чести врага.

Отметим, что «автор в повествовании о строительстве мира Александром и о его подвигах сопрягает сюжеты и стили разных культур и эпох: “Наводя этой головой ужас, обращавший в камень, победил царь многие племена пустыни, а нечистых царей, Гогу и Магогу, питавшихся червяка-

ми и мухами, загнал в рассевишиеся скалы и до скончания мира запечатал Соломоновою печатью”» [Кузмин, 1989, с. 202]. Объединяется миф о греческом чудовище и спасении мира от ветхозаветных племен-поработителей. Но, вводя в повествование мифологические паттерны, автор придает им материальность и реалистическую пластичность» [Осипова, 2014, с. 260].

Миф о Прометее — ядро мифологического сюжета в романе, на периферии оказываются мифы об Эдипе, Икаре, о титанах, аргонавтах, об Ахилле. Прометеевский миф проявляется в мотиве богоборчества. Александр желает получить тайное знание, которое даст ему бессмертие или хотя бы отсрочку скорой кончины. Поиски этого знания направляют героя от профанного пространства, каким воспринимается Вавилон, к сакральному центру, где находится жизненное начало. Путешествующий Александр, подобно другим героям мифов и рыцарских романов, стремится и в загробный мир, и к земле обетованной («страна блаженных» в романе); эти физические перемещения сопровождаются внутренними исканиями, стремлением к познанию мира.

Насыщенность мифологическими образами свойственна главам о путешествии Александра. Например, Александр, как и Орфей, Одиссей, Геракл, пытается попасть в мир мертвых, но герои культурных мифов возвращаются из царства Аида при поддержке своих богов, Александра же туда даже не пускают. В концепции романа попасть в мир мертвых — значит обрести бессмертие. Несмотря на героическую миссию, которую Александр выполняет, он остается на лиминальной стадии: ему не дано пройти инициацию до конца, тем самым завершить свой путь, подобно другим героям классических античных мифов.

Некоторые сюжетно-композиционные приёмы соответствуют еще одному стилистическому и сюжетному источнику романа — притче о блудном сыне, построенной на принципе «уход — возвращение». Кузмин не воспроизводит классическую двухчастную форму притчи, состоящую из повествования и назидания. Он создает притчу-параболу, структура которой включает внешний (предметно-ситуативный) сюжет и внутренний (символический). В таком случае сюжет духовных поисков героя (внутренний) занимает главное место, а внешний сюжет как повествование о предметном пласте произведения выходит на метафизический уровень. Лексемы странствия, путешествия становятся актуальными после описания «ухода» Александра из Вавилона, но одновременно с этим увеличивается частотность слов с семантикой возвращения: после него герою в последний раз предсказывают смерть. «Александр прекращает бунт против судь-

бы, покоряется неизбежному: сюжетные блуждания выводят на первый план метафизический конфликт: устремленность человека к бессмертию и невозможность его достичь» [Осипова, 2014, с. 262].

Причем в произведении отсутствует антиномия «смерть — воскресение», за которой стоит метафорический план бессмертия. С антиномией «смерть — бессмертие» сопряжена антиномия «земля — костяное небо». Эпитет *костяное* символизирует непроницаемость небес, на которых живет бессмертный бог, а потому человек не может претендовать на изменение миропорядка.

Стилевые эксперименты Кузмина коренным образом отличаются от повторной разработки сюжета-первоисточника. Соединение в романе черт разных стиливых дискурсов позволяет реализовать авторскую установку на метаповествование, что продуцирует полисемантизм и символичность толкования основного традиционного сюжета.

3. Литературное пародирование классического образа и сюжета в романе Саши Соколова «Палисандрия»

Канадская исследовательница Линда Хатчин оспаривает традиционное для западного литературоведения понимание пародии, полагая, что жанр не нуждается в «сознательном искажении формы и духа произведения, взятого в наиболее типичный момент» [Hutcheon, 1985]. Разграничивая понятия «пародии» и «сатиры», филолог продолжает известное высказывание В. Набокова: «Пародия — игра, сатира — урок» [Nabokov, 1973, р. 75]. На наш взгляд, сходное суждение высказал Саша Соколов в своей знаменитой лекции «Портрет художника в Америке»: *Литература — это самоуничтожение* [Соколов, 2007, с. 70]. Для примера рассмотрения пародийной трансформации образа Александра Великого и сюжета «Александрии» в постмодернистском тексте обратимся к роману «Палисандрия».

Заглавие этого текста явно имеет цитатную природу, так как образовано от имени героя-повествователя, подобно названиям великих эпических поэм: «Одиссея», «Энеида», «Александрия». Автором ярко обозначено семантическое и звуковое сходство имен героев (*Палисанор — Александр*). Имя «Палисандр» образовалось от древнегреческих слов *πάλαιστής* [palaistís] и *ἀνδρείος* [andreios], что значит 'отважный борец'. Таким образом, в полном имени героя (*Палисандр Александрович*) дважды подчеркивается его «противоборствующее начало». Мотив двойничества продолжается и в фамилии героя романа (*Палисандр Дальберг*): палисандром в биологии называют древесину деревьев вида дальбергия.

Также следует вспомнить, что имя рода, из которого произошел Александр Великий — Аргеады. По преданию, македонские правители считали себя вышедшими из греческого города Аргоса (родины могучего Геракла, сына Зевса). Именно они по обычаю назначались регентами при любом малолетнем правителе. Думается, отчество Александрович в контексте романа Саши Соколова означает именно такое литературное самозванное «усыновление». Кроме того, имя Александр происходит от греческого «александрос», которое было частью «титulyного имени» греческой богини Геры и римского бога Марса. Тем самым отмечается некое полубожественное происхождение героя романа Соколова.

Отдельно остановимся и на выбранном героем прозвище (в контексте сопоставления с царем — тронным именем) — *Палисандр Прелестный*. Двойственность семантики слова *прелестный* ('преисполненный прелести, очарования и обольщающий, прельщающий') служит средством изображения характера персонажа.

Вспомним также, что, хотя определение *царь* в российской историографии закрепилось за правителями Македонии довольно давно, в греческой традиции их принято называть *басилевсами*. Древние историки определяли басилевса как правителя, добровольно избранного народом, в отличие от правителя-тирана, который силой захватил власть. Похожие высказывания можно встретить и у героя романа Саши Соколова. Палисандр не раз говорит о том, что правитель и народ в его понимании едины: *словно собственные отражения* [Соколов, 2004, с. 38].

Отметим, что эпиграфом к роману «Палисандрия» служит официально-деловой штамп «to whom it may concern — кому положено (англ.)». Как отмечает И. С. Скоропанова, его следует «рассматривать как пародийную форму посвящения высокопоставленному лицу (то есть тому, кто у власти)» [Скоропанова, 2002, с. 300]. Думается, что это явная отсылка к описываемому классическому образу.

Кроме того, указанный эпиграф — своеобразный аналог грифу «секретно», маркирующий предназначенность текста для ограниченного круга лиц, намекающий на эпатажный характер откровенного рассказа об *интимной жизни правящей олигархии* [Соколов, 2004, с. 10]. В данном контексте пародийно звучит заявление Палисандра о том, его мемуары будут способствовать культурному и духовному развитию народа: *делайте свою интимную жизнь с Палисандра Прелестного* [Там же, с. 80].

Кроме заголовочного комплекса, пародийную окраску приобретают и названия глав романа («Книга изгнания», «Книга отмщения», «Книга послания», «Книга дерзания»). С одной стороны, они имитируют сюжетные

элементы Александрии Сербской, с другой — обращают к тексту Библии, тем самым придают творению Палисандра статус некоего сакрального знания. Как отмечает Т. А. Исаченко, в ряде древнерусских памятников «сюжет развивается так, что Александр является провозвестником будущего христианства, а идея бессмертия <...> постепенно соединяется с идеей бессмертия души» [Исаченко, 2008, с. 113]. С помощью этого сопоставления становятся яснее задачи, стоящие перед пародийным двойником Александра Великого.

«Александрия» — один из самых известных переводных псевдоисторических романов в России. Именно поэтому объектом пародирования в исследуемом романе Саши Соколова можно назвать жанровый канон исторического романа (это подтверждается и непосредственными высказываниями писателя). Отметим, что под жанром в данной работе понимается, вслед за Л. Г. Кихней, «способ эстетически цельного воплощения типологически устойчивых ситуаций бытия и сознания», именно в них, по мысли исследовательницы, воссоздаются «черты предшествующих содержательных или формальных структур, выступающих в качестве канона» [Кихней, 2007, с. 57].

В данном аспекте заслуживает внимания композиция романа. Основному тексту предпослано введение «От Биографа», датированное 2757 годом, в котором повествователь знакомит читателей с историей создания мемуаров 2044 года: *семь столетий, отделяющие нас от кончины мемуариста, не умалили ни исторического значения его огромной фигуры, ни идейно-художественных достоинств его фундаментальных трудов* [Соколов, 2004, с. 10]. Повествователь показывает, как в поисках литературного бессмертия герой решает заняться писательской деятельностью: *Хорошо, нам, писателям: пишем, пишем, и вот — бессмертие. Хотя и не всяк* [Там же, с. 29].

Еще одним важным аспектом сопоставления с «Александрией» является проведение стиливых параллелей. В романе «Палисандрия» повествователь утверждает важность детального описания: *не краток я буду, но обстоятелен. Ибо на великом пути замечательна всякая мелочь* [Соколов, 2004, с. 22]. Однако частое введение вставных эпизодов (так называемых жанровых вставок) придает повествованию типичный для средневекового нарратива анфиладный характер. Об этом замечательно писал Д. С. Лихачев: «Произведения часто механически соединялись друг с другом, как соединялись в одну анфиладу отдельные помещения» [Лихачев, 1999, с. 321]. Как бы в продолжение этой мысли Палисандр декларирует свой повествовательный принцип следующим образом: *Приятно добавить, что многотомье «Воспоминаний» не столько роман, сколько целый не то,*

чтобы цикл, а каскад романов, плавно переходящих друг в друга естественными уступами [Соколов, 2004, с. 368]. Рассматриваемые мемуары героя провоцируют диалогические отношения между романом и другими сочинениями Палисандра и его соратников («Воспоминания о старости», «Этическая логика гуманизма», неоднократно упоминаемый трехтомник Ю. Л. Брежнева «Палисандрово детство»).

Отметим, что в ряде эпизодов «Книги послания» точка зрения автора прямо противопоставляется точке зрения эпического повествователя. Пародийный эффект возникает в процессе трансформации традиционного «всезнающего» повествователя в «незнающего»: *Вместе с самим Палисандром мы перестаем понимать, в какой из его инкарнаций все это случается. Кто он <...>, где он по меньшей мере однажды родился и вырос?* [Там же, с. 416]. Вместе с Биографом Саша Соколов констатирует тот факт, что реальность по своей природе иррациональна и в то же время повторяема.

Для постмодернизма не существует единой истории, прошлое остается жить в разных версиях его участников. Кроме того, сама идея исторического прогресса опровергается в романе. Рассказчик доказывает существование некоего *эффекта умозрения*, феномена уже было, показывающего регулярную обращаемость на круговых путях бытия [Там же, с. 196—197]. История, согласно мысли Палисандра, а за ним и Саши Соколова, лишена поступательного созидательного движения, она просто «длится»: «можно только заново перечитать историю» [Вайль и др., 1991, с. 16].

Соколов намеренно акцентирует внимание своего героя на размышлении о феномене времени. Сам Палисандр характеризует историю как *типичную кантовскую вещь в себе*, то есть как феномен, сущность которого непознаваема: *она преисполнена скрупулезно датированных, но незнакомых ... происшествий. Взятые по отдельности, они озадачивают; вкупе — обескураживают* [Соколов, 2004, с. 30].

В «Александрии» Сербской история понимается как направляющая сила — в повествовании и в человеческой судьбе. Сущность всех поисков героя «Палисандрии» составляет не столько попытка указать на новую «историческую справедливость», сколько стремление найти свое место в истории, оправдать свое личное (можно сказать, частное) существование. Саша Соколов показывает, что в постмодернистском романе невозможно отражать действительность, можно только «зеркалить» различные дискурсы, а сознание любого человека может осваивать реальность только посредством «наррации», то есть рассказывания. Поэтому для современного двойника Александра Великого так явственно желание сочинять истории о себе и окружающей его действительности. В повествовании героя со-

бытия, люди, предметы всегда находят себе параллель или пару и так или иначе переплетаются [Там же, с. 209].

И. С. Скоропанова так определяет эстетическую позицию автора: «Соколов предлагает взгляд на <...> человеческую цивилизацию — сквозь призму прекрасного / безобразного и насилию над историей <...> противопоставляет жизнь как творчество» [Скоропанова, 2002, с. 308]. Критерий оценки исторической справедливости у Соколова — эстетический. Именно эта особенность создает пародийный эффект в интерпретации событий истории Александра Великого.

4. Заключение

Мы видим, что стилистические особенности романа Кузмина строятся не на копировании образца, а на привнесении в определенную стилистическую модель черт, соответствующих авторскому замыслу. Кузминский текст — это поэтически преломленная игра разными стилистическими традициями, их варьирование и сугубо авторское прочтение. Травестирование архетипических образов делает стилизацию иронической. Аллегоричность мифа используется Кузминым как стилистический прием (например, в главе «Кандакия»). Но такое прочтение мифа дает иное представление о нем: миф перестает быть сказанием о создании мира и существовании героя в нем, миф — это повествование об обреченном герое, пытающемся стать равным богам.

Представление об Александре Великом как о культурном герое, который определяет движение истории, доводится в творчестве Саши Соколова до предела и разрушается. Это обусловлено постмодернистским взглядом на действительность как на «хаосмос», ироническим отношением к жанровому канону исторического романа. Сама историческая действительность 1980-х годов создала предпосылки для разрушения героического мифа. Автором настойчиво утверждается, что события прошлого нельзя воссоздать в художественном тексте, их можно только интерпретировать, поскольку единый сюжет распадается на многочисленные версии конкретных очевидцев и рассказчиков.

Источники

1. Кузмин М. Стихи и проза / М. Кузмин. — Москва : Современник, 1989. — 431 с.
2. Соколов С. «Время для частных бесед...» : беседа писателя и критика В. Ерофеева с писателем, живущим в США, С. Соколовым / подготовка к печати и примеч. О. Дарка / С. Соколов, В. Ерофеев // Октябрь. — 1989. — № 8. — С. 195—202.
3. Соколов С. Палисандрия : роман / Саша Соколов. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — 464 с.

4. *Соколов С.* Портрет художника в Америке : В ожидании Нобеля. Лекция, прочитанная в Калифорнийском университете (Санта-Барбара) / С. Соколов // Тревожная куклолка : Эссе. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. — С. 63—79.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипина А. В.* Концепция человека в ранней прозе Михаила Кузмина : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Антипина. — Воронеж, 2003. — 18 с.
2. *Вайль П.* Цветник российского анахронизма / П. Вайль, А. Генис // Октябрь. — 1991. — № 9. — С. 9—12.
3. *Джеймисон Ф.* Симптомы теории или симптомы для теории? / Ф. Джеймисон // Без темы. — 2007. — № 3 (5). — С. 5—9.
4. *Исаченко Т. А.* «Александрия» Чудова монастыря под № 51 / 353, сер. XV в. Особенности перевода и языка / Т. А. Исаченко // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 113—119.
5. *Кихней Л. Г.* К герменевике жанра в лирике / Л. Г. Кихней // Герменевтика литературных жанров / под общей редакцией профессора В. М. Головки. — Ставрополь : Издательство Ставропольского государственного университета ; Ставропольское книжное издательство, 2007. — С. 36—68.
6. *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы : Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. — 508 с.
7. *Осипова О. И.* Жанровые модификации в прозе Серебряного века : Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин : монография / О. И. Осипова. — Москва : ИМПЭ имени А. С. Грибоедова, 2014. — 360 с.
8. *Панова Л. В.* Игры с Брюсовым : Александр Великий в творчестве Кузмина / Л. В. Панова // НЛО. — 2006. — № 78. — С. 222—240.
9. *Савельзон И. В.* Маскарад в зеркальной комнате (О романе Саши Соколова «Палисандрия») [Электронный ресурс] / И. В. Савельзон. — Режим доступа : <http://slovesnikural.narod.ru/>.
10. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература : учебное пособие / И. С. Скоропанова. — 5-е издание. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 387 с.
11. *Hutcheon L.* A Theory of Parody : The Teachings of Twentieth-Century Art Forms [Electronic resource] / L. Hutcheon. — Access mode : <http://individual.utoronto.ca/linda-hutcheon/books.html>.
12. *Nabokov V.* Strong Opinions / V. Nabokov. — New York : McGraw-Hill, 1973. — 175 p.

TRADITIONS OF “ALEXANDRIA” IN PROSE OF 20TH CENTURY: FROM STYLIZATION TO PARODY

© **Olga I. Osipova (2019)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, Doctor of Philology, associate professor, Head of Department, Department of Russian as a Foreign Language, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “The Far Eastern State Technical Fisheries University” (Vladivostok, Russia), fia-fa@mail.ru.

© **Olga A. Sysoyeva (2019)**, orcid.org/0000-0002-8512-8462, PhD in Philology, associate professor, Department of Literature and Journalism, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), helgats@yandex.ru.

The problem of modelling a classical plot in the literature of modernism and postmodernism is considered. Attention is paid to the transformation of the story of Alexander the Great in the novels of Mikhail Kuzmin (1872—1936) and Sasha Sokolov (b. 1943). The results of comparative analysis of two novels of different literary directions are presented. The question is raised that the classic story and image are transformed, becoming a way of artistic understanding of the worldview of the era. Particular attention is paid to the methods of stylization and parody in the studied texts. It is shown that the authors in the classic examples are looking for the ways to resolve the conflicts of our time: M. Kuzmin's application to the image of the great commander is an artistic interpretation of the tragedy of human existence that have reached a lot in this world, but can not change the fate; Sasha Sokolov writes his "Palisandria" to depict the new ironic perspective on the historical process. The relevance of the study is due to the need of modern literary studies in typological studies, in the search for intertextual links. The novelty of the study is seen in the fact that the comparison of plot and figuratively close texts in the main literary directions of the 20th century allows to see ways of modelling a classic plot in its variants, taking into account the specifics of modernism and postmodernism.

Key words: Alexander the Great; classical plot; image; stylization; parody; irony; myth; parable; genre.

MATERIAL RESOURCES

- Kuzmin, M. (1989). *Stikhi i proza*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).
- Sokolov, S. (2004). *Palisandriya: roman*. Sankt-Peterburg: Simpozium. (In Russ.).
- Sokolov, S. (2007). Portret khudozhnika v Amerike: V ozhidanii Nobelya. Lektsiya, prochitannaya v Kaliforniyskom universitete (Santa-Barbara). In: *Trevozhnaya kukolka: Esse*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 63—79. (In Russ.).
- Sokolov, S., Erofeev, V. (1989). «Vremya dlya chastnykh besed...»: beseda pisatelya i kritika V. Erofeeva s pisatelem, zhivushchim v SShA, S. Sokolovym. *Oktyabr'*, 8: 195—202. (In Russ.).

REFERENCES

- Antipina, A. V. (2003). *Kontseptsiya cheloveka v ranney proze Mikhaila Kuzmina: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Voronezh. (In Russ.).
- Dzheymison, F. (2007). Simptomy teorii ili simptomy dlya teorii? *Bez temy*, 3 (5): 5—9. (In Russ.).
- Hutcheon, L. *A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms*. Available at: <http://individual.utoronto.ca/lindahutcheon/books.html>.
- Isachenko, T. A. (2008). «Aleksandriya» Chudova monastyrja pod № 51 / 353, ser. XV v. Osobennosti perevoda i yazyka. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 3: 113—119. (In Russ.).
- Kikhney, L. G. (2007). K germeneytike zhanra v lirike. In: *Germeneytika literaturnykh zhanrov*. Stavropol: Izdatelstvo Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta; Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo. 36—68. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1999). *Istoricheskaya poetika russkoy literatury: Smekh kak mirovozzreniye i drugiye raboty*. Sankt-Peterburg: Aletyya. (In Russ.).

- Nabokov, V. (1973). *Strong Opinions*. New York: McGraw-Hill.
- Osipova, O. I. (2014). *Zhanrovyye modifikatsii v proze Serebryanogo veka: F. Sologub, V. Bryusov, M. Kuzmin: monografiya*. Moskva: IMPE imeni A. S. Griboyedova. (In Russ.).
- Panova, L. V. (2006). Igry s Bryusovym: Aleksandr Velikiy v tvorchestve Kuzmina. *NLO*, 78: 222—240. (In Russ.).
- Savelzon, I. V. *Maskarad v zerkalnoy komnate (O romane Sashi Sokolova «Palisandriya»*). Available at: <http://slovesnikural.narod.ru/>. (In Russ.).
- Skoropanova, I. S. (2004). *Russkaya postmodernistskaya literatura: uchebnoye posobie*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Vayl', P, Genis, A. (1991). Tsvetnik rossiyskogo anakhronizma. *Oktyabr'*, 9: 9—12. (In Russ.).